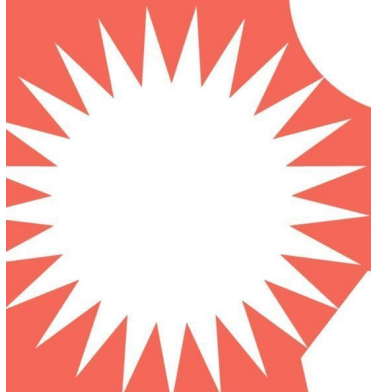

Свидетель жизни

Иван
Успенский

Иван Успенский

Свидетель жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29616731

ISBN 978-5-4490-4399-3

Аннотация

С легкостью о непростых жизненных ситуациях.

В меру забавные истории из жизни и дневники молодого хирурга, борющегося с раком.

Содержание

Вместо предисловия	5
Заяц, пианино и пальцы	6
Дорогие мои...	12
Друг	15
Червяки	17
Дворники	20
Fallout	23
2000-е	27
Австрия	32
Институт	42
Как мы учились	48
Загар	54
Тарелка	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Свидетель жизни

Иван Успенский

Дизайнер обложки Владимир Аюев

© Иван Успенский, 2018

© Владимир Аюев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-4399-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Название книги, «Свидетель жизни», говорит само за себя. Эти несколько десятков страниц – собранные воедино эпизоды моего существования. Изначально я записывал их для своих детей (на случай, если рассказать возможности не представится), позже, слегка отредактировав, получилось, скажем так, безадресное повествование, т.е. и им будет интересно, и, возможно, вам.

Какой-то логики в излагаемом материале искать не стоит, писал то, что вспоминалось.

Единственное, поддающееся объяснению, – это разделение книжки на две части. Во второй собраны мои «дневники» с февраля 2016-го, когда заболел острым лейкозом. Стало быть, жизнью здесь запечатлено аж две: до болезни и после (а после, поверьте, началась новая).

Серьезного и грустного тут будет немного (если вообще будет). Продолжительность рассказов рассчитана, чтобы не засиживаться на унитазе. Но это неточно.

Что ж, приступайте!

Ах да, книжка с картинками, вставлю их со всеми комментариями в самом конце, чтобы легче было найти.

Заяц, пианино и пальцы

Однажды под новый год я получил невероятно крутой подарок в детском саду. Не то чтобы я один получил, нет, получили все дети, все было закуплено и организовано заранее. Подарок представлял из себя набор из мягкой игрушки (в моем случае – кислотно-зеленого зайца) и явно чрезмерного количества сладко-вредных «вкусняшек». Вручение состоялось после утренника, с которого меня забирал дед. Заполучив красочную коробку, предвещающую быстрое и качественное повышение уровня сахара крови, маленький обжора внутри меня моментально наврал воспитательнице и деду, что накрытый в группе обед уже съел и желает отправиться домой немедленно. Дед не стал сопротивляться и был моментально взят мной на буксир: с такой силой ни до, ни после я его рукав к дому не тянул. Скрывшись в квартире от лишних глаз, я начал дербанить коробку и пожирать содержимое с обеих рук. По правде говоря, гадостей в ней хватало, но то была гадость подарочная, заморская, так что и она мигом оказывалась в желудке. Поскольку аккуратным я был всегда, следы сладкой вакханалии – обертки – были сложены в мусорное ведро. Идеальное преступление, если не считать, что очень скоро мне заглохло, а красочные фантики начали предательски вываливаться из мусора. Сложить эти два факта родителям труда не составило. В итоге я был

наказан и за вранье по поводу съеденного обеда, и за неумеренное употребление сладкого, и вообще. Оставшиеся сласти были конфискованы, на руках остался только зеленый, как я в тот момент, заяц.

В нашем доме, благодаря маме, закончившей медико-профилактический факультет, всегда было много медицинской литературы и, что интереснее ребенку, инструментария. Банки, клизмы, шприцы, зажимы и пинцеты – все лежало в зальной стенке, в отличной доступности. Большую медицинскую энциклопедию я листал, потому что там встречались рисунки медицинских автомобилей и самолетов (а еще бубонная чума, ранения мозга или, скажем, минно-взрывные травмы), а с зажимом играл, потому что он банально был. Игрушек не хватало катастрофически. Мне очень нравились машинки, но первыми и последними «модельками» я обзавелся только в 1994-м году – мама привезла из командировки в Америку! Шесть штук. Я до сих пор могу описать каждую. Такси, синий тягач, два пляжных джипа, фургон и пожарная машина. Вариабельность в моих играх присутствовала, но, должен отметить, часто фигурировал частный извоз и пожары.

Зеленый заяц из подарка появился еще до машинок, потому пытливый детский ум решил совместить его с тем, что было, а именно – медицинским барахлом. Сперва заяц, сам того не ведая, болел терапевтически: я постоянно выслушивал его беззвучные ватные потрошки фонендоскопом, целиком

оборачивал манжетой тонометра и проводил лечебное сжатие (миллиметров до 240 ртутного столба). В план лечения обязательно входила банка на голову, а в конце – сухой горчичник во всю спину. Было приятно играть сухим, неактивным горчичником, потому как из-за частых инфекций верхних дыхательных путей, сила его после погружения в ковшик с водой и последующим наклеиванием на спину, была мне известна и пугала до дрожи. Терапия продолжалась до тех пор, пока процесс лечения не решила разнообразить творческая личность внутри меня, хотя, скорее всего, кто-то банально подарил краски. Вооружившись ножницами, я нанес зайцу рану на животе. Красная гуашь тут же дополнила картину – у зайца была открытая рана живота! Процесс затянул меня не на шутку, несколько минут я ковырялся внутри животного зажимом и пинцетом, периодически вынимая, как мне казалось, пули и опухоли (в воображении зайцу не повезло вдвойне – и рак, и расстрел). Выполнив необходимый объем операции, я, насколько это было доступно пятилетнему ребенку, зашил рану. Заяц остался жив.

Как в песне Ноггано, «закрутилась череда увечий». Зеленый друг ломал себе череп, отрывал руки-ноги, проглатывал иголки и скрепки, но каждый раз благополучно, на своих двоих, покидал операционный стол. Если шрамы украшают мужчину, а мой питомец определенно был мужиком, через полгода никакой Том Круз с ним и рядом не стоял. Весь пропитанный красным, этот комок искусственного меха и син-

тепона, смахивал скорее на куклу вуду, чем на детскую игрушку, но был мне крайне нужен и важен. Наверное, до старших классов школы я четко знал о местоположении зайца в квартире...

Маме всегда хотелось, чтобы я стал врачом, особенно хирургом. В ее рассказах хирурги по крутости превосходили всех столь уважаемых мной героев боевиков. В этом моменте стоит подробнее описать окружающую реальность. Начало девяностых в Рязани – это пара каналов эфирного телевидения с парой же мультфильмов в неделю. Вечернее кино, если такое было отмечено в газетной программе передач, смотрели семьями, вглядываясь в Рубины и Рекорды, отставленные метра на три-четыре к стене, отправляя младших убавить звук на момент рекламы. Пульты? Какие еще пульты?

Бытовые видеомэгнитофоны (пусть и Электроника 12, как в нашем случае), имели огромную ценность. Фильмов, растиражированных на VHS-кассетах, было не так много, но те что были – засматривались «до дыр»! Как любому другому мальчишке-киноману, мне безумно хотелось быть крутым героем боевика, тяжестью взгляда вызывающим приступ диареи, а рукой переламывающим танк.

Так вот, даже Шварценеггер, по маминым словам, в определенных обстоятельствах, оказался бы слабее хирурга! Разумеется, игры с зайцем и возможность быть круче Терминатора (пусть и в каких-то неведомых условиях), навели ме-

ня на вопрос, как же получить эту замечательную профессию? Задав его субъекту крайне заинтересованному (с массой скрытых мотивов, как выяснилось), я получил довольно неожиданный ответ. По мнению родительницы, для превращения в хирурга просто необходимо было научиться виртуозно играть на фортепиано, т.к. постоянная практика на данном инструменте значительно удлиняет пальцы. Мама считала, что длинные пальцы – главная черта хорошего хирурга (справедливости ради – актуально это только при ректальных исследованиях). По той же причине занятия единоборствами, о которых я действительно мечтал, были под запретом. Солнцу мировой хирургии нельзя было повредить руки!

Долго ли, коротко ли, но при параде и жабо я оказался в музыкальной школе. Сказать, что она мне не нравилась — не сказать ничего. Сложно убедить себя, что гамма – это также круто, как карате. Но делать было нечего, процесс «удлинения» пальцев пошел.

Занимался я плохо, играть не любил и домашние задания часто превращались в издевательства надо мной и инструментом. Дабы сын старался играть точнее, мама придумала довольно жестокий метод дрессуры: ребенку, мне то бишь, сообщалось, что за его спиной фашисты выстроили всю семью в шеренгу и собираются расстреливать по одному за каждую ошибку. Что тут скажешь, играл я коряво, да и дедушка старенький, потому, мысленно, с ним я расставался легко. Пара тактов и наступала вторая ошибка, уносившая

с собой сестру (за возможность получить комнату в полное свое распоряжение я был даже благодарен фашистам). Третья фальшивая нота забирала папу, было очень жаль терять возможность рулить машиной у него на коленях, но играть этюды без ошибок я не мог долгое время. Лишь на маме, когда ноты уже заканчивались, расстрел прекращали. Иногда. Бывало, я все семейство в первых двух тактах «клал».

Интересно, что уже будучи отцом, я некоторое время занимался боксом. Узнав об этом, мама сразу позвонила мне поинтересоваться, не поврежу ли я руки. Видимо, все еще пытается солнце мировой хирургии вырастить!..

Дорогие мои...

Огромный вклад в мое воспитание внесло общение с бабушкой и дедами. Бабушка по отцовской линии, Евдокия Петровна, умерла еще до моего рождения, потому воспоминание о ней – лишь фото, на полке шкафа в зале.

С бабушкой по линии матери, Раисой Михайловной, у меня связаны одни из самых приятных воспоминаний детства. Я не знаю, как ей это удавалось, но она могла одинаково сильно заинтересовать занятием четверых совершенно разных по характеру внуков (троих сестер и меня, с максимальной разницей в возрасте семь лет). С бабушкой Раей мы играли в индейцев, ходили в походы, собирали грибы, издавали газету, печатая ее на механической машинке, рисовали, играли в карты!.. Именно она научила меня играть в козла (постоянно вспоминал это, когда впоследствии учил своих друзей). Даже сбор ненавистных колорадских жуков вместе с бабушкой превращался в веселую игру. Сейчас, когда годы уже не позволяют чувствовать себя хорошо каждый день (а мне не позволяет химия, или ее последствия), созваниваясь, мы все равно решаем, что «надо держать хвост пистолетом» и смеемся. Всем бы таких бабушек, мир был бы добрее и интереснее. И не надо было бы столько раз объяснять правила игры в козла!

Сейчас я бы многое спросил у обоих своих дедов. Как

ни спросить, один, дед Леша, в свое время заведовал всем транспортом в Рязанской области, на постах ГАИ его машине отдавали честь, фронтовик, лично знал Озерова. Дед Вова – заслуженный изобретатель СССР, конькобежец, призер чемпионатов СССР, в войну был мальчишкой, но умудрился где-то обзавестись шмайсером (MP 38/40) и гранатами... Владимир Григорьевич, дед – заводила за любым праздничным столом, отлично пел (правда, для меня любая песня давно минувших дней звучала очень грустно) и рассказывал интересные истории. Летом, в деревне, дед обеспечивал наш «отряд» (двоюродных сестер и меня) луками, стрелами, рогатками, удочками. В общем, всем необходимым для крайне активного детского отдыха. Именно он научил меня косить (настоящей косой, той, что всегда подрисовывают костлявой подруге в балахоне) и поделился фразой, подходящей под самые тяжелые жизненные ситуации: «все приходящее, а музыка вечна!».

Тогда горсткой нейронов, гоняющих возбуждение исключительно по поводу женских форм, осознать всю ценность общения с прародителями было невозможно.

Дедушка по линии отца, Алексей Иванович Успенский – единственный человек, с которым я был знаком, рожденный во втором десятилетии двадцатого века (в 1916-м). Я прожил с ним от рождения до третьего курса института. Жил бы и дальше, но дед умер.

Абсолютно седой, с густой шевелюрой, для меня лет пя-

ти, дед был интересен татуировкой (якорь не правой руке – хотел в мореходное училище, но не срослось) и тем, что из ушей у него росли волосы. Дед сначала забирал меня из садика, потом из начальной школы, попутно пересказывая дневную серию «Богатые тоже плачут». Именно он определил меня в бассейн, водил на соревнования, летом недели проводил в домике на лодочной станции.

Дед Леша очень тепло относился и к моим друзьям, что, впрочем, было обоюдно. Помню, как однажды, в том самом домике на лодочной станции, дед застал нас крайне невыспавшимися и до нитки промокшими, после неудавшейся утренней рыбалки. За окном мерзкий дождь и пронизывающий ветер, а на душе у каждого разочарование и осознание перспективы полчаса переться до остановки в такую вот погоду.

Неспешно разбирая сумку с продуктами и наполняя чайник, он приговаривал: «Молодцы, ребята, давно дружите, не бросаете друг друга. Это хорошо... И дальше будете дружить, помогать друг другу. Это очень хорошо. Будете вместе расти... Если только мир не взорвется к ЕБЕНЕ МАТЕРИ!!!» Расхохотались мы тогда знатно! День наладился...

Друг

Самой большой материальной ценностью, которой я обладал класса до второго, был велосипед. Велик для мальчишки в то время – это центр вселенной. Без велосипеда ты был социально изолированным никем. Конечно, можно было пробовать быстро бегать за своей пацанской велобандой, но даже в нежнейшем возрасте 6—8 лет, когда тело питает неведомый термоядерный реактор, догнать двухколесную «пулю», умчавшую на колонку попить – задача не из легких. Потому безлошадные парни перемещались на дворовые лавочки и ждали своего часа.

Первым двухколесным велосипедом у меня был «Друг». Обычная конструкция с маленькой рамой и толстыми колесами, типовая. Единственной нетиповой деталью в комплекте оказались дополнительные маленькие колеса, которые крепятся к раме сзади для баланса. В моем случае «Друг» то ли из-за резьбы, то ли по каким-то другим причинам, категорически отторгал этот рудимент. В итоге единственным вариантом покататься на велосипеде был тот, при котором я сразу бы поехал на двух колесах.

Отлично помню этот день. Осень, дождь был позавчера, но лужи еще остались. Блестящий, новенький велосипед, на раме сияет свежая заводская наклейка с изображением щенка, «Друг», как никак! Картинка – одним словом. Я в ко-

ричной чистой куртке (тоже блестящий и новенький). Позади меня старшая сестра и пара ребят из нашего подъезда с четкой задачей – научить ездить здесь и сейчас.

Судя по моим детям, процесс отторжения балансировочных колес происходит за лето, иногда чуть дольше. Сейчас люди не учат плаванию, выбрасывая свое чадо из лодки посреди озера, вместе со спортивным инвентарем покупают защитные комплекты, я уж не говорю о детских креслах в машине. В нашем детстве за безопасность отвечали рефлексы.

Дабы не перегружать картину описанием падений в ходе обучения, сразу опишу результат. Момент осознания полного контроля над маленьким механическим мустангом.

Ободранный, как после встречи с самосвалом и камнедробилкой, со слегка свернутым рулем и порванным пополам щенком велосипед. Я в блестящей от грязи черной куртке, скрывающей распухшие от ссадин локти, моя довольная, с улыбкой от уха до уха, физиономия. Позади – насквозь мокрая, опухшая от падений попа и команда обучающих без изменений. Никаких уговоров, давай, мол, попробуем снять колеса, это не страшно. Ничего. Пара часов падений – и готово! Качественный тренинг, я считаю.

Червяки

Сестра старше меня на семь лет и сейчас я четко представляю, как неохотно ей было, превращаясь в подростка, гулять с таким соплежумом, как я. Даже в компании с подругой, ей было некомфортно осуществлять мой выгул. Но однажды к ней пришло элегантно решение данной проблемы. В детстве я панически боялся дождевых червей. Моменты, когда после дождя эти безликие твари выползали из-под земли, вселяли в меня первобытный ужас, и я моментально бежал домой, на высокий диван (уж там-то они не достали бы). Так вот, как-то раз, когда сестрица отправилась погулять с подругой во двор школы, расположенной неподалеку, она получила меня в нагрузку от мамы. Обсуждение девичьих тем явно шло в разрез с неустанным контролем за неуправляемым существом, мной, которое нет-нет, да вымажется, либо упадет, либо порежется разбитой бутылкой (мы же все-таки на школьном дворе, учитывайте). Решение, к которому прибегла Яна, восхищает меня даже сейчас. То было не просто сиюминутное принятие мер, то была казнь, расплата за все испорченные прогулки! По обыкновению, незадолго до того был дождь, и в лужах еще сохранились пугавшие меня кольчатые черви...

Собрав по округе три прозрачных стакана (и снова да, это же школьный двор в девяностых, найти три лобастых ста-

кана – тьфу!), сестра поместила в каждый по несколько червей и обставила меня этим треугольником ужаса на хорошо просматриваемой асфальтовой площадке. Думаю, если бы была возможность посмотреть на ситуацию сверху, то стоял я строго в месте пересечения биссектрис того треугольника – равно удаленный от каждой скользкой твари в стаканах. Постоянный контроль слепых зон заставлял меня крутиться на месте, как волчок. Казалось, стоит отвлечься и черви моментально накинуться с неожиданной стороны! Довольная решением сестра, наконец, могла уделить все свое внимание подруге.

Я не могу точно вспомнить, сколько простоял в этой червячной тюрьме, дети по-особенному воспринимают время, скажу, достаточно. Достаточно для того, чтобы, наверное, первый раз в своей жизни совершить Поступок. Смелый, решительный. Выбрав момент, когда ужас от соприкосновения резинового сапога с телом червяка будет минимальным (читай – произвольный момент), я разбежался и ударил по одному из стаканов ногой! Жалкие твари в стекле ничего не могли противопоставить законам физики, потому послушно полетели прочь... И сейчас невозможно вспомнить, был ли это момент обретения «стержня», или просто сильно писать захотелось, главное одно – страх видеть и трогать червяков сапогом был преодолен. (трогать их руками мне было еще долго некомфортно, а полностью избавиться от брезгливости, получив возможность прикоснуться к любой мерзости, я об-

рел только в мединституте).

Дворники

Каждый год 19 октября в нашей школе был праздник – день лица. Арендовался большой зал (чаще – МКЦ, пару раз, помнится, концертный зал им. Есенина), и в торжественной обстановке устраивался концерт. Помимо вполне ожидаемых песен и плясок, обязательными моментами программы было исполнение гимна лица, посвящение первоклашек в лицеисты и вручение наград лучшим из лучших («парень, что надо», «девчонка, что надо» и т.д.).

Не обладая выдающимися сценическими способностями, в номерах я периодически все же участвовал. В основном, конечно, в составе хора мальчиков (прогуливать уроки под предлогом репетиций хора – еще одно идеальное преступление), или в массовке танцевальных представлений. Но однажды, классе в третьем, или пятом, мне довелось стоять на сцене в составе «квартета», более того, вещать на огромное пространство в микрофон.

Всех деталей я не помню, видимо мозг старательно прячет самые позорные моменты биографии, но то, что от нашего класса на сцену должны были подняться четыре дворника для чтения стихов – факт. Уже редактируя написанное, пришел к выводу, что выступление это было все же не в день лица, но сути это не меняет. Так или иначе, но на сцене Муниципального Культурного Центра мы оказались...

Изначально в группу я не вошел, но почему-то присутствовал на репетициях и легко запомнил текст. Никогда не жаловался на память: на десятилетия затаить злобу великую, или выучить пару страниц – проще простого.

Итак, приближался день, когда дворники должны были поразить массы изяществом стихосложения, но внезапно один из участников номера заболел. Найти достойную замену (которая, главное, выучит текст) за столь короткий срок было крайне сложно, потому выбор автоматически пал на меня. Уже на первой репетиции я спокойно воспроизвел теперь уже свои строчки, чем немало порадовал классную руководительницу. Дело оставалось за малым – нужен был костюм.

Другие ребята знали о перевоплощении в дворников заранее, потому мамы изготовили им по-настоящему классные облачения. Были и валенки, и помятые кепки, и фартуки из грубой ткани...

Мой костюм представлял из себя советскую шапку-петушок на несколько размеров больше, старый свитер, мамин кухонный фартук, повязанный наизнанку и большущие кожаные сапоги, олицетворявшие валенки. Довершала образ метла – пять-семь побегов Американского клена, привязанные к швабре синей изолентой.

То что наша группа представляла из себя троих дворников и забавного бомжа, я понял по непрекращающемуся смеху в зале. И если сначала оставалась надежда, что люди просто

разогрелись и радовались произносимому другими тексту, то усиление гыканья и всхлипов, когда к микрофону подошел я, расставило все на свои места. Шапка предательски сползала на глаза, изоленга начала растягиваться и распускать веник, даже друзья-дворники стали посмеиваться.

Дочитав свою роль, я вернулся в строй грязеборцев, поправил штаны на попе (чем вызвал очередную волну радости и веселья) и вместе с товарищами отправился за кулисы.

Как существует эталонный килограмм, так мои щеки можно было использовать, как эталонный образец в толковом словаре под наименованием «пунцовый». Единственное, что грело душу – домашнюю работу на следующий день можно было не делать...

Сняв с себя наряд наркомана, прибарахлившегося на помойке и избавившись от швабры с веточками, в компании с одноклассником я отправился домой. Горечь стыда понемногу отступила, и безделье продолжалось до вечера, пока мама не возмутилась, почему я не занят домашней работой. Уговоры, мол, из-за выступления нам ее отменили, не подействовали, пришлось садиться за учебники.

Публичный позор без компенсации. Подготовка ко взрослой жизни у меня шла с юных лет.

Fallout

Одним из главных подарков, который я когда либо получал на новый год, стал пиратский диск с безусловным игровым Шедевром – Fallout 2. Произошло это событие году в 2000—2001, точно не скажу, но пост-апокалиптическая Америка 2241-го осталась со мной навсегда. Возможность, скажем, накачать наркотой жителей целого квартала, напиться радиоактивным алкоголем и пострелять с минигана, в конце концов – подложить взведенный заряд взрывчатки прямо в карман незнакомцу – все это будоражило подростковый мозг на порядок сильнее окружающей реальности.

Моментом, омрачающим игровой процесс, была засорившаяся линза CD-ROM'a. Мой привод из рук вон плохо читал диски, потому, дабы диск «схватился», и на экране появилась заветная заставка, приходилось порой по часу тереть кнопку извлечения лотка. Опытный читатель заметит, что Фоллаут 2 в ходе установки предлагает вариант полного переноса данных на компьютер, тогда игру можно запускать без диска. И он прав, но для этого требовалось около 600 Мб, а на моем винчестере объемом 1,5 Гб (для несведущих – это размер фильма в нормальном качестве) лишнего места не водилось.

Фоллаут был помешательством групповым. Все свобод-

ное, а по большому счету, все школьное время посвящалось творению Interplay. Мы обменивались сведениями, где лежит крутая броня, или как получить смертоносную винтовку Гаусса. Но интереснее всего для купающегося в половых гормонах мозга тинэйджера, были межполовые отношения...

Однажды, в очередной раз замучив диск, мы с другом наконец погрузились в игру. Практика один играет, второй (третий-пятый) смотрит в то время – привычное дело. И вот, пробегая по пустоши, оставшейся от Соединенных Штатов после ядерной войны, нам встретился населенный пункт Ден (в некоторых переводах – Дыра). На самом деле, городок находится совсем недалеко от старта игры и не представляет из себя ничего особенного. Но доступа в интернет не было, игра была сложной, запускалась нечасто, потому за пару месяцев, через пот, кровь и частые загрузки, два школьника освоили основные игровые механики и смогли добраться лишь в Дыру. В паршивой кожаной броне, с 9-мм пистолетом и 350 баксами в кармане, казалось, что персонажа круче быть не может, в реальности же мы были никем (для сравнения, когда я проходил игру в аспирантуре, сюжетная кампания и получение самого крутого шмота заняли у меня минут 40). Ден предстал центром мира: казино, мужики с винтовками и металлической броней, филиал Братства стали и... Путана в баре... Нет, проститутки встречались и раньше, но с той, в баре, открывалось окно диалога. Небольшое отступление. Fallout 2 – игра изометрическая,

т.е. трехмерность там липовая, но модели персонажей, снятые с реальных людей, выглядели тогда сверхреалистично. Кажется, трава тоже была зеленее... Итак, путана.

В диалоге с жрицей любви пару озабоченных детей интересовал лишь пункт об осуществлении ее профессиональной деятельности. За свои услуги девица озвучила цену в три сотни долларов НКР. Три сотни – почти все, что было нажито непосильным трудом (воровством, обшариванием трупов и обыском каждой разваленной тумбочки). В момент внутренней борьбы капиталиста с извращенцем в комнату заглянула мама и возвестила нас о том, что пора расходиться. К игре удалось вернуться через пару дней. Учиться, когда дома ждет цифровая проститутка, готовая отдаться за три сотни баксов, которые имелись, было категорически сложно.

В следующий раз, оставшись наедине с компьютером, нам особенно долго не везло с запуском игры. Казалось, даже компьютер против продажной, пусть и в электронном виде, любви... Но, спустя час, CD-ROM приятно загудел, ладошки запотели, а сохранение из бара было загружено. Проститутка снова озвучила цену. Казалось, что в комнату вот-вот ворвутся родители и увидят самую развратную кат-сцену всех времен и народов, потому пара щуплых тел максимально сгорбилась у 15-дюймового экрана, закрыв его вместе с системником, для верности.

Дрожащим пальцем я нажал на левую кнопку мыши и проститутка услышала «Хорошо, вот деньги». Экран по-

гас, через секунду картинка появилась снова, наш герой вместе с дамой переместились в небольшую захлавленную комнату, в диалоге единственным вариантом была фраза аля «Понеслась!». От волнения пальцы почти не слушались, но мозг, требовавший разврата на экране, обуздал дрожь и заставил нажать на кнопку.

Помните электронную игру, в которой волк ловил яйца? Кто-то утверждал, что, набрав тысячу очков, можно было увидеть мультфильм. Наглая, жестокая ложь.

После нажатия «Понеслась!» экран погас секунд на пять, и вернулась та же комната с героем и путаной. Никакой порнографии, только горечь разочарования и потеря трех сотен. От досады, деньги мы решили вернуть воровством. Продажная женщина оказалась чуткой, потому сразу усекла попытку проникновения в свои карманы и моментально начала бой, вместе с ней на нас ополчился весь бар. Отдать все деньги, не увидеть желанную порнушку, отправиться в нокдаун от проститутки (шлюха знатно ввалила с правой) и бесславно сгинуть в безымянном баре в Дене. Еще одна разрушенная детская мечта.

Проходя игру в следующий раз, я уже понимал, как создавать персонажа и какие характеристики ему прокачивать. При нашей следующей встрече жрица любви готова была отдаться уже за двадцатку. Каким же внутриигровым уродом был тот, первый, персонаж, которому она зарядила в пятнадцать раз больше?

2000-е

Интересная жизнь была в конце девяностых – начале двухтысячных. Конечно, в двенадцать-тринадцать лет, в силу возраста, многое вокруг привлекает внимание, но мне этот период запомнился особенно.

Как-то раз, проводя настройку телевизора, а каналы, почему-то то и дело сбивались, на кнопке под номером три начал свое вещание MTV! Не в полном режиме, разумеется, с шести вечера до полуночи, насколько я помню, но и этого было достаточно. Для провинциального города, где на тот момент функционировали полтора кинотеатра, самым популярным носителем аудио были кассеты, а самым частым способом заработать для подростков была сдача стеклотары, событие едва ли не вселенского масштаба.

Комолов, Шелест, Тутта Ларсен, Стрельников... Боги электронно-лучевых трубок, круче них были только Бивис и Баттхед. Рисованные придурки породили армию своих подражателей среди неокрепших умами слоев населения. Уметь смеяться, как баклан и пельмень, было престижно. Не знаю, может быть, просто совпадение, но в более сознательном возрасте я обнаружил в себе предпочтение к аудиокнигам, озвученным Сергеем Чонишвили (он-то и наделил русскими голосами мультяшную парочку).

Но главное – клипы. Обилие, как модно сейчас говорить,

качественного контента, просто взрывало сознание. Сравните «Зайку мою» и, скажем, «Earth song» Джексона. И то, и другое 1995-го.

Доступ в интернет стал еще одним знаковым моментом в моей жизни. Сейчас скорость передачи данных, даже используя сотовые сети, может достигать десятков мегабит.

Тогда, предупредив домашних, что телефон будет занят некоторое время (а единственным вариантом соединения был диал-ап, при котором задействовалась телефонная линия), прослушав все полагающиеся шипения и кряхтения модема (погуглите «звук модема»), можно было, при удачном раскладе, получить скорость в районе 56 килобит (загрузка песни в формате mp3, не самого лучшего качества, занимала не менее двадцати минут, чаще – гораздо больше). Ни о каких фильмах и сериалах речи быть не могло. Чаты, рефераты, коды, прохождения к играм и порно в картиночках. Но и это был целый мир!!!

Нагадить в чате металлистам, узнать, что есть IDDQD и IDKFA, полтора часа качать архив с голыми тетками, чтобы уставший от ожидания друг закрыл все в последний момент – бесценно.

Подумать только, у каждого уважающего себя подростка с компьютером была папка с приколами, куда сохранялись передаваемые из рук в руки флэш-ролики, короткие видео и анимированные GIFы. Источником всего этого добра были мажоры с пишущими приводами... Кто сейчас закатывает

мемы на DVD? Эх, были времена.

Почти все школьники сэкономили деньги, выдаваемые родителями на завтраки в школе, чтобы в конце недели чем-то себя побаловать (копить долго в таком возрасте могли единицы, наверное, эти сейчас эти магнаты уже на заводы накопили, со столько-то несъеденных коржиков с чаем). Чаще всего в пятницу мы направлялись на улицу Почтовую, где во дворах был магазинчик с компьютерными играми. И за сорок «голодных» рублей переносили содержимое интересующего диска на обычную CD болванку (так было дешевле, обычный диск с игрой стоил восемьдесят). Иной раз можно было проследовать чуть дальше, почти до площади Ленина и на тот же сорокет обзавестись прекрасной шаурмой!

Летом 2000-го главным нашим увлечением стало катание на роликах. Поскольку настоящих агрессивных коньков ни у кого не имелось, приходилось прыгать и скользить по граням памятников (а именно там имелись подходящие покрытия вроде мрамора) в обычных «погремушках», дешевых китайских роликах, которые очень скоро после покупки начинали греметь подшипниками, отсюда и название. Подходящая грань, например, ступенька, промазывалась парафиновой свечкой, чтобы проносить напрыгнувшего ездока подобно ледяной дорожке зимой. Периодически находилась бабуля-блюстителка общественного порядка, которая отгоняла нашу тусовку от архитектурных и исторических ценностей.

Бабуля – не почетный караул, уходила быстро, и мы продолжали «издеваться» над благородными материалами сооружений. Самым излюбленным нашим местом была часовенка напротив школы, 4-го лица.

Наверное, тогда же мы начали носить широкие штаны и слушать рэп. Это сейчас слово рэп ассоциируется с чем угодно, а тогда рэп – это только широкие штаны. Ширину штанины даже измеряли линейкой. Приемлемым значением было двадцать пять сантиметров, больше – круче. Однажды мой друг нашел в секонд-хенде джинсы, видимо, с американца весом в пару центнеров. Штанины в семьдесят два сантиметра позволяли нам обоим залезть в те портки. Талия, разумеется, была соответствующего обхвата. И лишь потребность в услугах портного, чтобы штаны эти все-таки носить, остановила товарища от покупки.

Самым популярным вопросом от решившего докопаться до тебя быдла был «Что слушаешь?». Предпочтение к музыке черных кварталов расценивалось, как личное оскорбление, потому шанс получить по шее был велик.

А в десятом классе, надеясь сражать девиц на пляже накаченным торсом, мы с друзьями начали ходить в тренажерный зал. Классическая качалка в подвале Дворца пионеров. Тренер, Стас, прикольный мужик из девяностых, следил за правильным музыкальным сопровождением при всевозможных перемещениях «железа» (Rammstein, AC/DC, Metallica) и периодически качался со своими друзьями

из той же временной эпохи. Разумеется, греческими богами мы не стали, зато любовь ворочать металлом осталась на долгие годы (как говорится, хоть по подъездам не шарились).

Австрия

Культурный шок – эмоциональный или физический дискомфорт, дезориентация индивида, вызванная попаданием в иную культурную среду, столкновением с другой культурой, незнакомым местом. Подобный шок, в самом хорошем смысле, случился со мной в 2000-м. По программе обмена учениками, на пару недель мы отправились в Вену! Разумеется, до того момента за границей я никогда не был (если не считать транзита поезда через Украину), потому, когда самолет приземлился, было невозможно поверить, что воздух за иллюминатором можно вдыхать, что аккуратно одетые люди в аэропорте ни слова не понимают по-русски, а настоящая иностранная речь, которую можно было уловить только в рассинхроне дубляжа зарубежных фильмов, может просто так, обыденно, литься из радио... Всю дорогу я не мог отлипнуть от окна. И было абсолютно не важно, мелькала ли там чистая обочина загородного шоссе, или ухоженная набережная Дуная. Факт нахождения в другой стране полностью занял мое сознание.

Это была середина апреля, насколько я помню. Середина апреля в средней полосе России: непроглядно серое небо, пронизывающий ветер, пыль, абсолютное отсутствие зелени и проступающие из-под подтаявших сугробов следы выгула собак.

В середине апреля Вена была в цвету, к полудню солнце уверенно прогрело воздух и можно было гулять в футболках.

А учитывая тот факт, что, отправившись в Австрию, я избежал надвигающегося диктанта, это была не просто поездка, это был побег из Мордора.

Группа у нас была небольшая, человек двенадцать-пятнадцать учеников под предводительством Зои Петровны (учительницы немецкого и нашей классной). Помимо уже известных вам Вовы и Димы, из тех, кто эту книжку скорее всего прочитает, были еще Наташа, Олеся, Юля, Женёк и Андрей (вот так можно в книжке передать привет старым друзьям).

По прилету планировалось расселиться по австрийским семьям, так или иначе связанным с гимназией, с которой дружил наш лицей. И то ли я забоялся, то ли просто хотел жить с кем-то из друзей, но от девушки по имени Ивана Петрович, моего изначального хоста, я отказался в пользу учительницы из той же школы, которая приютила сразу двоих – Вову и меня (стыд мне и позор, но ее имени я не запомнил).

И вот, чемоданы в багажнике, мы в салоне, и машина, за рулем которой наша «австрийская мама», тронулась. Пышная, румяная и веселая, фрау сразу спросила: «Инглиш? Дойч?».

– Инглиш, – ответили мы хором.

– Ну что ребята, как долетели? Нравится Вена? – уже по-английски спросила она.

Никогда прежде с иностранцами я не общался. Нет, вопрос я понял, более того, лицейские знания английского (спасибо, Альвина Ивановна!) позволяли мне ответить развернуто, с подвыподвертом, так сказать. Но в тот момент я отчего-то впал в ступор. Увидев в зеркале заднего вида выражение полного отсутствия мыслительного процесса на наших с Вовой лицах, учительница только и смогла изречь «Упс...».

– Долетели хорошо, хотя было немного страшно – первый раз. Город невероятно красивый, а таких машин вживую я вообще не видел, – попытался исправить ситуацию я.

– Вы не беспокойтесь, мы знаем язык, просто пока не привыкли им пользоваться...

– Фух, супер! Я-то уж думала, что будут проблемы, – успокоилась фрау и мы проболтали всю дорогу.

В подарок европейцам родители снарядили нас тем, что везли за границу и деды, и прадеды: водкой и икрой (как еще соболиные шкурки и золотой песок не вручили). Как сейчас помню четкие указания мамы по распределению винно-водочной продукции: вот эта – Смирнов, супер-водка, очень хороший подарок. Вот эта – Шацкая, но проверенная, неплохая, а вот эта – как повезет.

Принимавшая нас учительница жила в собственном большом доме на склоне холма, откуда открывался шикарный вид на город. На участке, чуть ниже, был дом ее родителей.

Почти сразу мы с Вовой отправились отметить у них. Приятная пара, бабуля и дедуля, модные и ухоженные, как с рекламного буклета витаминов для престарелых, вручили нам по коробке Ферреро Роше и, упершись в языковой барьер, видимо, собирались распрощаться. Но тут мы достали рашн презентс – красную икру и ту самую, непроверенную, водку. Старички моментально оживились, радостно забегали, приговаривая «Зэр гуд!» и показывая поднятый вверх большой палец. Через пару минут мы получили еще по коробке конфет и хорошей толстовке.

К слову, тем же вечером, увидев характерный румянец на довольной физиономии деда, стало понятно, что с последней бутылкой все же повезло.

Иностранцы, в большинстве своем, очень странно пьют водку. Они берут большие стаканы, пригодные разве что для виски, наливают туда на два пальца и пытаются, абсолютно без закуски, смаковать свой напиток перед телевизором. Со временем водка становится теплой и крайне тошнотворной, но это никак не влияет на периодичность отхлебывания из бокала. Отец приютившего нас семейства, музыкант в Венском оркестре, пил именно так.

«Что русскому хорошо, то немцу – смерть», – гласит поговорка. Думаю, немногим русским стало бы хорошо от теплой Шацкой, что уж говорить об интеллигентном австрийце. В первый вечер, не просидев и часа, он удалился на боковую. И впредь эксперименты со спиртосодержащей жидко-

стью из Рязанской области проводил в компании с апельсиновым соком и закусками.

Каждый день с утра мы собирались в школе, где проходили какие-то уроки (ну какие это уроки, так, посидели, пошмеялись), а потом начиналось самое интересное – выход в город на различные экскурсии и прогулки. Нами сразу была облюбована Марияхильферштрассе – пешеходная улица в центре. Даже бесцельное шатание по ней доставляло немало удовольствия. А, учитывая что большие Принглз продавали всего за один евро, а перекус в Макдаке оценивался в три-четыре (напомню, евро стоил около 26 рублей), домой можно было приходиться только вечером, с голоду не умирали.

В первую же неделю нас сводили в Пратер – огромный парк развлечений. По сравнению с аттракционами приезжих Луна-парков, эти были, как реактивный истребитель по сравнению с кукурузником. Тогда с Вованом, не боясь быть понятыми, мы проорались от души. Матом. На всю ивановскую (Вену). А на обратной дороге, из-за спасовавшего вестибулярного аппарата, я «позеленел» и приуныл, чем обломал Вове предложенное хостами мороженное.

Дома мы много играли в баскетболо-подобные игры с дочками фрау учительницы, гуляли по окрестностям, или, устроившись на травке, точили подаренные конфеты.

Вообще, Вова слабо соглашался на авантюры, а мое ши-

ло только и требовало, что обойти весь город. Потому, когда приютившая нас семья собралась в отпуск, Вова переехал к Диме, а я стал жить с Андреем у другой учительницы, главной в той программе по обмену.

С Дроном мы разошлись не на шутку. Сорваться в десять вечера поглазеть на УНО-Сити (притом, что метро работает до двенадцати) – легко! Без карты протопать до Штефансплатц? Раз плюнуть! Весь город вдоль и поперек, на трамваях, метро и пешком, времени мы даром не теряли. Разок чуть не промахнулись с вагоном, а так – посмотрели бы Мюнхен...

Мы болтали с иностранцами, слушали музыку, или просто трескали картошку фри на каком-нибудь монументе, оккупированном молодежью. И все это в атмосфере абсолютной свободы и безопасности. Не жизнь – малина!

Да, фрау Мазль, у которой мы квартировались, переживала по поводу нашего отсутствия. А Зоя Петровна, прознавшая про это, обещала произвести нам форменный капут. Но, есть и положительные моменты! Так, благодаря этим длительным прогулкам, учительница начала общаться с бывшим мужем, даже поужинали пару раз. Вот так! Андрей и Ваня. Connecting people.

Отдельного упоминания стоит культурная программа нашего пребывания в столице Австрии. До этого любая школьная экскурсия, или массовый поход в театр – скука смертная.

А строгие тетки-смотрители в наших музеях, то и дело норовящие шикнуть, или погрозить пальцем, напрочь отбивают желание туда возвращаться.

Кроме шуток, музей современного искусства в Вене — единственный на моей памяти, из которого не хотелось уходить. Оказаться в комнате с зеркальными стенами, границ которых визуально не найти, или заглянуть в гигантскую сферу, изнутри усеянную множеством огней, подобно вселенной, для меня-подростка, было сильнейшим впечатлением.

Мы застали «Поцелуй» Климта, пока он еще не покинул Австрию, видели полотна Моне, ходили на симфонический концерт и даже посетили Венский бал!

Посчастливилось даже посмотреть мюзикл – «Волосы». Поначалу привычно скептически настроенные, через несколько минут оторваться от действия на сцене мы уже не могли. Мощная живая музыка и вокал, костюмы и декорации, «зацепило» сразу все. А после еще долго обсуждали одного из главных героев – женоподобного азиата (половину постановки думали, что это женщина, но, когда перед антрактом все действующие лица предстали на сцене абсолютно голыми, оказалось – мужик).

Я уж не говорю про венскую архитектуру. Любуясь на Штефансдом (опять же, без шуток, это строение по-настоящему завораживает), можно было шею свернуть!

Определенно, все увиденное – отличная «прививка пре-

красного».

Стоит ли говорить, что улетать абсолютно не хотелось. Родина встретила все еще запаздывающей весной и все-таки настигнувшим диктантом...

Программа обмена подразумевала, что через некоторое время австрийцы приедут в Рязань с ответным визитом (Вена и Рязань, неравноценный обмен, правда?).

Так и произошло. В начале следующего учебного года у меня в комнате поселилась девушка по имени Верена.

Сначала я думал, что будет уныло, по Рязани так спокойно и безопасно в то время не погуляешь. Но я был неправ, принимать «заморских» гостей оказалось едва ли не веселее, чем самим разгуливать по чужбине.

Началось все с борща. Почти для любого европейца фиолетовый суп – нечто крайне необычное. Думаю, всем австрийцам тогда приготовили вышеуказанное первое блюдо.

Увидев перед собой тарелку с жижей характерного цвета, Верена спросила, как его едят.

– Да это обычный суп, не бойся. Попробуй, с белым хлебом и чесноком очень вкусно! – объяснил я по-английски.

– А что такое чеснок?

– Ну, чеснок... Его еще вампиры не любят. Острый такой, попробуй, только аккуратно.

– Почему это аккуратно? – возмутилась Верена.

– Может оказаться очень острым, прямо до слез.

Девушка усмехнулась и откусила половину зубчика. Честь страны в очередной раз была поставлена на кон, и я сделал то, что должен был: через секунду зажевал целый зубчик чеснока.

Верена, уже осознающая надвигающийся Армагеддон во рту, отступить не хотела и закинула в рот вторую половину зубца.

И вот сидим мы, два дурака, льем слезы из всех возможных мест и пережевываем. Чеснок еще, зараза, ядреный попался. В итоге решили, что победила дружба и накинулись на суп. Думаю, вкус борща она не оценила. Зато, когда мы вернули в школу, послеобеденный амбре не оставил равнодушным никого из группы.

Потом, классика общения русских с иностранцами, мы учили их правильно пить водку и материться на великом и могучем.

А на выходных отправились к Диме в деревню, с ночевкой. Помимо стандартных шашлыков, было классно отправиться к заброшенному дому на окраине, чтобы на лавочке травить анекдоты почти до рассвета. И ведь умудрились не растерять юмор при переводе, вот что интересно. Даже про маленькую-маленькую мышку, которая везла за собой маленькую-маленькую тележку, в которой лежало маленькое-маленькое зернышко, и довольная пела «Еду я домой, напи*дила зерна!».

Уезжая, австрийцы плакали (девицы, что с них взять), хо-

тя, признаться, мне тоже пару раз хотелось носом шмыгнуть... Настроения не было около недели, но потом все вернулось на круги своя.

И снова, блин, диктант!

Институт

Неожиданно для окружающих после окончания десятого класса я объявил, что собираюсь поступать в театральный институт. Решение довольно странное, ибо ВУЗа́ми этой направленности я не интересовался, с порядком вступительных испытаний был знаком лишь по фильмам и, самое главное, каких-либо значимых предпосылок к актерской деятельности, вроде декламирования стихов, или участия в театрализованных школьных представлениях за мной не значилось. Так, единичные выступления исключительно комедийной направленности (логичнее было бы думать о цирковом училище, кто знает, вдруг во мне новый Олег Попов умер).

Скажу честно, сцена, роли и проблемы востребованности в профессии актера меня интересовали мало, если вообще интересовали. Хотелось славы, денег и женщин (в основном, конечно, женщин), да так, чтобы поступил, пять лет отмучился – и получи-распишись: вот афиши с твоим лицом по всей России, вот стройные шеренги красоток, каждая с мешком денег для тебя.

Разумеется, я помнил о детской мечте стать хирургом (который круче Шварценеггера), но в пятнадцать лет ассоциативный ряд слава-бабки-тёлки-хирургом уже не заканчивался. К тому же, проходя обучение в классе с правовой на-

правленностью, чтобы поступить в медвуз требовались репетиторы по химии и биологии (переходить в другую школу в десятом классе я наотрез отказался, несмотря на все угрозы и уговоры мамы), а тратить свободное время после учебы на что угодно кроме компьютера казалось недопустимым.

С момента объявления мной о предстоящем отъезде в Москву, а поступать я планировал в столичные институты, мама начала действовать. С завидной периодичностью родительница вспоминала мне отсутствие самостоятельности, бытовую беспомощность и полное отсутствие воли. В красках описывалась жизнь в актерском общежитии, где проживали исключительно наркочилеры больные всеми возможными венерическими заболеваниями. Но самое главное, постоянно подчеркивалась необходимость однополрой любви. Едва ли не вахтер на входе в Щукинское должен был поиметь меня в задницу, я уж не говорю про пробы, постановки и прочее, хочешь роль – готовь пятую точку.

«Береги честь с молоду», – гласит эпитафия Капитанской дочки. Александр Сергеевич ерунды бы не написал, потому сохранение чести (как следствие – дистального отдела прямой кишки), было у меня в приоритете. Потому, с каждым новым упоминанием мамы о предстоящей нежеланной половой жизни, намерение быть актером слабело...

К сентябрю я почти смирился и пошел к репетиторам. Все надежды, возлагавшиеся на актерскую деятельность, были переложены на карьеру КВНщика. Получалась элеган-

ная схема, при которой довольны все: и мама, ожидающая «светило мировой хирургии», и я, сохранивший девственными все физиологические отверстия, оказывался на одной сцене с Масляковым, а там уже до девиц и денег недалеко! Весь учебный год был посвящен тычинкам-пестикам, скрещиванию морщинистого и гладкого сортов гороха (в задачах по генетике), молям, граммам и литрам. Все для того, чтобы сдать три вступительных экзамена: русский язык (сочинение), биологию и химию.

Три полученные четверки гарантировали мое зачисление на первый курс, потому мозг моментально стер все знания по химии и все лето радовался грядущей студенческой жизни с вечеринками и безудержным весельем.

Радость серого вещества была прервана первого сентября 2004-го на предмете Общая химия. Казалось, я в первый раз видел химические формулы, а все вокруг, преподаватель и одногруппники, общались на иностранном языке.

Химия мне не нравилась, зато удалось осуществить давнюю мечту – смешать максимально возможное количество соединений (благо, на лабораторных по качественным реакциям на определенные элементы выдавали гору всевозможных скляночек с растворами всех цветов, было где разойтись). Скажу сразу, получается вонючая коричневая жидкость с нерастворимым осадком.

Я был одним из последних, кто получил зачет по общей химии, преподаватель даже предлагала мне бросить мед

и пойти, скажем, в сельхоз на ветфак. Было очень обидно слышать, хоть и иносказательно, что ты дурачок, неспособный осилить программу... Все из-за окислительно-восстановительных реакций – это химические уравнения, в которых сложно расставлялись коэффициенты. Видимо, в момент разбора этой темы мозг был занят более важными делами, из-за чего расстановка цифр перед формулами соединений стала для меня сродни проектированию адронного коллайдера.

Ведомый злостью, к экзамену я знал все возможные уравнения наизусть. Сдал на отлично. И лишь ожидание повышенной стипендии и возможные проблемы с деканатом остановили меня от фразы «Выкуси!» и предъявления зачетки преподавателю...

Ни одной развеселой студенческой вечеринки на первом курсе я не посетил, в КВНе не участвовал. Даже на посвящении в студенты я был только на официальной части. Ботан, одним словом. Учеба отнимала почти все мое время. Объем домашней работы в мединституте колоссальный. Никакая школа рядом не стояла. Анатомия, гистология, биоорганическая химия – перечислите эти дисциплины вслух рядом с врачом и где-то в глубине души он неприятно съежится от воспоминаний. Первый курс буквально сшит из коллоквиумов и отработок.

Разумеется, самым популярным вопросом со стороны

друзей и знакомых к студенту-медику в первый год обучения навсегда останется, видел/резал/трогал/нюхал ли уже последний трупов/крыс/кроликов. Видят, нюхают и трогают трупов все и почти сразу, крыс в течение первого года не так много, сильнее сокращается поголовье лягушек. Расцвет геноцида зеленых приходится на курс нормальной физиологии (второй год обучения, по крайней мере, когда учился я), но и первакам перепадает задушегубить пару квакушек. Кролика лично я видел единожды, на втором курсе.

Учебный год прошел с перманентным чувством голода, недосыпанием и ощущением потери лучших лет. Зачастую, после очередной непонятной лекции, я садился в троллейбус и выходил на несколько остановок раньше своей. Ноги сами несли к Вове (с которым мы впоследствии копали ямы). Друг заботливо меня кормил, после чего я падал на диван и, как психоаналитику, начинал плакаться, что учеба невыносимо трудная, я ни шиша не понимаю и радости в жизни нет больше места. Бывало, что на пике нытья наступал сон. Счастливые деньки, понимаю я сейчас: после нудной лекции навернуть горячего супца с другом под Грифффинов, а после придавить на удобном диванчике! Повторить такое в тридцать лет вряд ли получится.

Трижды в неделю я посещал тренажерный зал, в выходные отсыпался за всю неделю и жестко ботанил (читал, учил и снова читал). Оставшееся свободное время отнимал компьютер. Ни о каких романтических историях речи быть

не могло. За первые два курса я, ввиду такого графика, даже от друзей умудрился несколько отдалиться, что тут говорить о девушках.

Когда первый курс закончился, мы сдали сессию, и впереди ждало лето, солнце и несколько недель без учебы и отработок, захотелось плакать и смеяться одновременно. Столь противоречивое желание объясняется просто: весь год, судя по ощущениям, происходило именно то, что сулила мама в театральном вузе.

Как мы учились

Так и подмывает написать «чему-нибудь, да как-нибудь», но не стану, так как неправда. Писать про объемы выучиваемого, думаю, смысла не имеет, вы и так в курсе. А вот вспомнить, как мы веселой компанией прожили вместе шесть лет, хочется. Этим и займусь.

Разродиться чем-то цельным не вышло, уж очень много было пережито, потому возвращался к этому тексту не один раз. И, как он получился в виде нескольких зарисовок, так его и оставлю.

Изначально я попал в одиннадцатую группу, но, поскольку в десятой училась моя двоюродная сестра Аня, во втором семестре, благодаря деканату, произошел мой «трансфер» в десятую.

Какими же забавными мы были детьми. А только дети могут на лекции пить пиво через систему для внутривенных инфузий, чтобы, расхрабрившись, играть в жопу (играющие по очереди говорят «жопа», но с каждым разом все громче и громче; «победитель», как правило, торжественно изгонялся из лекционного зала).

Не в каждом ВУЗе студенту представится возможность поучаствовать в театрализованном представлении. А в на-

шем – легко, сразу на первом курсе. Благодаря одному веселому профессору, очень многие ребята примерили на себя роль углерода (групповое выступление – бензольное кольцо). «Актеры» вызывались к доске, где, взяв в каждую руку по карандашу, или ручке, образовывали химические связи. Сложно нагляднее объяснить присоединение метильной группы...

Перебирая фотографии, обнаружил много спящих, или засыпающих одноклассников. Сразу вспомнился этот вечный недосып. Я отключался при любой возможности: в транспорте, на перерывах, на лекциях... Вот так закончится занятие в Канищеве, а лекция, скажем, в медгородке. Проглотишь шаурму и, вези меня, маршруточка, вези. Обязательно Газель, обязательно с шансоном. Как же в них приятно укачивало на задних сиденьях.

В первый раз мы опрашивали больных на пропедевтике. Группами по два-три человека. С такой тщательностью, с какой опрашивают студенты, это не делает ни один врач. У врача работа стоит, он заранее знает, на что обратить внимание, оттого придерживается своего, наработанного плана беседы. Мы же, в стремлении задержаться в палате подольше (чтобы на преподавательский опрос не попасть), признавали все, что только возможно. И, вскармливался ли опрашиваемый молоком матери до года, и как он развивался по сравнению

со сверстниками, и, разумеется, как часто и с каким результатом он посещает уборную.

Тот первый наш дядька был с юмором, оттого на вопрос «А не занимались ли вы спортом, если да, то каким?» ответил «А как же, табакокурением и алкоголизмом!» и стал рассказывать, где, как и когда приобрел эти пагубные привычки. Рассказ про бухло и самокрутки в мужской палате вызвал цепную реакцию: другие ее обитатели включились в беседу, дополняя картину повального алкоголизма и юношеского курения в СССР.

А однажды, на лучевой терапии я зачем-то спросил пациента о его вкусовых предпочтениях, а он выдал мне «Еду-то я обычную предпочитаю. У меня другая особенность, я люблю баб потолще!» Все оставшееся время обсуждали с ним достоинства пышных женских форм. Точнее, он рассуждал, а я слушал.

На третьем курсе впервые отправились на ночное дежурство в БСМП (больница скорой медицинской помощи). По пути к намеченному учреждению, шло активное обсуждение, кто будет оперировать первым (а то как же ж, ожидалось, что нас там ждут чуть ли не с хлебом-солью, чтобы сразу помыть на операцию и восторгаться способностям подрастающего поколения).

После обхода дежуривших отделений стало понятно, что операциями не пахло. В итоге мы прибились к приемному

покою. Впятером.

Первым посетителем оказалась женщина с обострением хронического холецистита, попытавшаяся купировать боли народными средствами – лимонным соком, содой и рассолом, причем всем сразу. Тошнота и рвота при желчно-каменной болезни – не редкость. Неукротимая рвота той женщины (с роскошной пеной) сразу запала в душу, навсегда подорвав доверие к народной медицине.

Дальше было все по классике: и разбитая голова, и желудочное кровотечение, и подвыпившие без определенных жалоб.

А под утро прибыл дедуля с кататонией, которого мы успели сопроводить в клозет и на каталке вернули в приемный, пора было выдвигаться на учебу.

Выспаться на стульях, а в приемнике кроватей не водится, не вышло. И на первой же утренней лекции я, без зазрений совести, от души лбом придавил «кнопку сна» на столе.

С четвертого курса, когда структура обучения изменилась и начались циклы (т.е. не как в школе, когда сначала три часа хирургии, потом лекция, а затем еще пара часов биохимии, а, скажем, две недели только занятия по терапии), стало легче. Проблем с зачетами на клинических кафедрах почти никогда не было, доставали только всякие социологии и экономики. На кой ляд они были нужны, ума не приложу.

Поскольку занятия вели, в основном, практикующие вра-

чи, большую часть учебного времени мы были предоставлены сами себе. Можно было и перекусить (при желании и финансовой возможности – полноценно отобедать), обсудить все сплетни, приколы из интернета, фильмы и книги. Помимо вечных тем – противопоставления мужского и женского, которая активно поддерживалась Лешей и перспектив и реалий отечественной медицины, благодаря моей природной ограниченности, в любой беседе мог «всплыть» «туалетный» юмор (чувствуете, чувствуете каламбурчик?).

Всегда очень интересно начинался день в Областной больнице (ОКБ). Дорога к студенческой раздевалке, что находится в подвале здания, лежит через помойку и весьма крутую лестницу вниз (ох, сколько копчиков там пострадало). На некоторых циклах приходилось носить хирургические костюмы и, если курсе на третьем кто-то еще стеснялся переодеться в битком набитом помещении, то к пятому никакого стыда не было и близко. Главное было успеть к началу занятия, чтобы не схлопотать отработку.

Выбравшись из раздевалки, мы попадали в вечно затопленный подвальный коридор, где почти каждый день стояли каталки с новопреставленными за ночь. И, опять же, посмотришь на синюшные стопы, торчащие из-под простыни каждое утро, и через пару недель подобное зрелище эмоций уже не вызовет.

Но, как собака Павлова, поднимаясь по левой лестнице,

на втором этаже я каждый раз испытывал мощнейшее слюноотделение от запаха пирожков из буфета. До сих пор, когда лежу в ОКБ, мысль о горячих Федотиках не дает мне покоя.

Не скажу, что у нас была самая дружная в мире группа. Но, спроси вы меня, повторил бы я те шесть лет? Однозначно, да! Сколько отработок мы отмотали, сколько лекций закололи (там, где нас потом отметили), сколько бахил из полойки перетаскали!..

Перечитал то, что получилось, и понял, что может сложиться неверное впечатление об обучении врачей: спят на занятиях и прогуливают лекции. Разумеется, это не так. Ну, т.е., и спали, и прогуливали, но совсем немного и учили притом до хренища!

В иллюстрациях (которые в самом конце) найдите рисунок из учебника по анатомии и, ради интереса, попытайтесь запомнить названия. Хоть с десяток. Станет яснее и про недосып, и про лекции...

Загар

На третьем курсе мы узнали о возможности обучиться лечебному массажу с получением соответствующего документа на кафедре физвоспитания. Стоило это недорого, да и возможность последующего трудоустройства с туманными перспективами обогащения подтолкнули меня заглянуть на первое занятие, а затем и записаться в группу.

Учеба проходила следующим образом: сначала небольшая теоретическая часть, потом преподаватель на модели, одном из обучающихся парней, показывал техники массажа изучаемой зоны, а следом, друг на друге, упражнялись и мы. Поскольку в мединститутах учатся преимущественно девушки, гендерное соотношение на факультативе сохранилось: мужиков было сильно меньше. Из этого следовало, что рано или поздно, моделью, с частичным обнажением и всем к этому прилагающимся, придется быть каждому.

Данный момент изрядно меня напрягал, так как, ввиду возраста и избытка половых гормонов, на коже имелись ненавистные прыщи, которые от чужих глаз я хотел бы скрыть.

Гигиену мы сдали в прошлую сессию, так что о чудесном действии ультрафиолетовых лучей все было известно, решено было действовать.

Испытывая жуткое неудобство, почти страх, я отправил-

ся в студию загара. До того момента моя нежная шкурка соляриев не нюхала и вообще тонировалась из рук вон плохо. Как и все «бледные поганки», я очень быстро сторал, а чтобы получить более-менее приятный оттенок, требовалось постоянно обмазываться всевозможными зельями из тубиков и часто охлаждаться в водоеме.

Девушка за стойкой сообщила мне, что минимальная продолжительность сеанса – пять минут.

– А за пять минут я там не расплавлюсь? Я вообще-то плохо загораю, – уточнил я.

– Если плохо загораете, возьмите семь минут. Еще есть вариант – использовать крем с тингл-эффектом, он увлажнит кожу и усилит загар.

Кто в девятнадцать лет будет смотреть на состав средства, которое, как обещают, усилит желанный эффект? Вот и я не стал. Благодаря отличному преподаванию английского в школе, слово tingle (пощипывание, покалывание) было мне известно и особенно не пугало. Кто ж мог подумать, что причиной тингла была муравьиная кислота?!

Еще не зная этого, я заказал заветную «мазь» и семь минут в турбо-солярии. Девушка вручила мне набор: очки, наподобие плавательных, одноразовые шапочку для волос и трусы. Я послушно проследовал в кабинку, полностью разоблачился и натянул костюм загорающего (шапку и это жалкое подобие нижнего белья, впоследствии меня подставившее), после чего обмазался, в общем-то приятным понача-

ду, кремом и, почесав глаз, поправив трусы в самом, так сказать, интимном месте и надев очки, ступил в солярий... Несколько секунд спустя адская машина заработала, обдав меня сильнейшим свечением и творением Бенни Бенасси – Satisfaction из колонок.

Благодаря американскому кинематографу появилась и разошлась по всему миру фраза «Хьюстон, у нас проблемы!». Через минуту нахождения в ультрафиолетовой будке, эти слова вспомнились и мне. Кожа, помазанная «волшебным» составом, начала нещадно жечь. Глаз будто sprыснули змеиным ядом, а в трусах бушевал настоящий пожар! Раз за разом из колонок доносилось «... and then just touch me, till I can get my satisfaction». Свой сатисфэксн я получил однозначно.

Обещанный эффект легкого покалывания никак не соотносился с фактическим ощущением погружения в серную кислоту, но, стиснув зубы, во имя красоты и уничтожения прыщей, я решил стоять до последнего. Песня закончилась, и я вдруг понял, что забыл снять крестик. Уже тогда возникли подозрения, что на теле могут остаться незагоревшие участки, спрятавшиеся за чем-либо во время сеанса. Но вслепую (глаза пришлось закрыть из-за жжения), жирными от крема руками растегнуть цепочку было крайне сложно и я просто решил подтянуть ее со стороны спины, чтобы изначальный след подзагорел, а новый не успел образоваться.

Целую вечность спустя, лампы выключились, и я покинул «камеру пыток». Жжение прошло, зато появился жар и легкий румянец на щеках. Быстро одевшись, я покинул заведение. По приходу домой меня весьма озадачило отражение в зеркале. Легкий румянец начал превращаться в начальную форму лучевой болезни, заливая все лицо насыщенно красным цветом, а в вырезе футболки на груди отчетливо проступали отпечатки сразу двух крестиков. До начала следующего учебного дня оставалось около двенадцати часов.

Вы видели вареных ракообразных? Следующим утром, несмотря на жалкие косметические потуги, однокурсники могли лицезреть здоровенного, готового к употреблению омара в белом халате. С толстым, неравномерным слоем тональника на лице.

Не зная, что на самом деле произошло, глядя на лицо «сеньора Помидора», можно было подумать, что мне очень, очень сильно, в высшей степени стыдно, на постоянной основе. Или вот-вот начнется отек Квинке. Правда, чуть приглядевшись и обнаружив на скулах и щеках разнонаправленные бледные следы от резинки очков, все становилось понятно.

В тот же день, но несколько позже, я предстал в роли модели на занятиях по массажу. Накануне, осознавая весь масштаб надвигающейся трагедии, я уделил внимание (обмазывание кремами и цветомаскировка) только видимой части тела, в моем случае – лицу... Сей просчет стал очевидным только на этапе прилюдного снятия штанов: на боках блед-

нел отпечаток одноразовых труселей.

Лобстер в бледных очках и стрингах. Вот так, в глазах общественности, я предстал гламурным ракообразным.

Прыщи, правда, были уничтожены полностью.

Тарелка

Небольшая история о том, как я за гипотетически интересный контент жизнью старосты рисковал. Опять же, geek-ориентированный рассказ.

Курсе на втором, в очередной попытке добиться приемлемой скорости интернета, подкопив со стипендии и с помощью деда Леши (дед всегда был главным инвестором в моих авантюрах, за что ему огромное спасибо), я обзавелся комплектом спутникового интернета (DVB-карта и тарелка). По сравнению с диалапом, разумеется, скорость выросла раз в сто, минус был лишь в цене трафика. Вся стипендия, вбуханная на счет интернет-провайдера, позволяла мне выкачивать в день пятнадцать мегабайт (например, три фотографии с зеркалки).

Но у тарелки имелась еще одна классная особенность. Видите ли, спутник, по сути, как зеркало – отражает все, что видит. Т.е. весь объем проходящего через него трафика доступен всем пользователям, надо только приложить некоторые усилия. Называется это рыбалка (фишинг). «Поймать» можно было все, что угодно – фильмы, музыку, архивы с японской порнографией. Все, что качают другие, можно было сохранить себе.

Для осуществления задуманного требовалось перепаять на DVB-карте кварцевый генератор и немного повернуть та-

релку до нужного спутника.

С последним предложением я обратился к своему старосте, Коле. С Коляном мы всегда были дружны, ценность перспективы на халяву скачивать фильмы и музыку он тоже понимал, отчего легко согласился помочь.

И вот, то ли осенним, то ли весенним прохладным днем, я выставил Колю в окно. По-моему, даже босяком. Благо, этаж был второй и, для пущего удобства, рядом с тарелкой проходила толстая газовая труба, на которую смело можно было встать. Ну а дальше, в течение минут тридцати-сорока, происходил типичный диалог двух людей, пытающихся настроить антенну:

– Повернул?

– Повернул! Подключился?

– Нет. Еще поворачивай!

Со стороны, наверное, забавно смотрелся парень в носках на газовой трубе, который теребил спутниковую антенну, периодически что-то приговаривая.

Наконец, когда уровень сигнала превысил восемьдесят процентов, я запустил озябшего Колю домой.

Мы сразу включили программу для фишинга и обалдели. Перед нами предстал поток в пятнадцать-двадцать мегабайт в секунду!!! Конечно, это был общий трафик, со всеми картинками, левыми архивами и сомнительной музыкой, но сама возможность отыскать в море этого цифрового мусора интересную киношку, или отхватить свежую игру – вот

что здорово будоражило воображение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.